

Е.М. Петровичева, И.С. Тряхов

Цензура в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Владимирского края)*

В статье анализируется роль органов цензуры в годы Великой Отечественной войны. Исследуется значение цензоров в работе периодической печати Владимирского края. Обращается внимание на образовательный и возрастной состав работников местной цензуры. В заключение делается вывод о том, что существование цензорских органов в годы войны во многом способствовало решению стоящих перед страной задач.

The article analyzes the role of censorship during the Great Patriotic War. The importance of censors in the work of periodicals of Vladimir region is explored. The authors draw attention to the educational and age structure of employees of local censorship. The researchers conclude that the existence of the censorship authorities during the war largely contributed to the solution of the country's problems.

Ключевые слова: цензура, охрана государственной тайны, Великая Отечественная войны, средства массовой информации, периодическая печать, главлит, контроль, сводки цензуры.

Key words: censorship, protection of state secrets, the Great Patriotic War, media, periodicals, Glavlit, control, reports of censorship.

Значительная роль цензуры в истории отечественных средств массовой информации сложилась достаточно давно. В годы советской власти, особенно в период сталинизма, произошло ужесточение цензуры. Данный период в развитии советской цензуры А. Блюм называет «эпохой тотального террора» [2], а Г. Жирков – временем «тотальной партийной цензуры» [7], что, на наш взгляд, более близко к истине.

С 1933 по 1946 г. цензурой в Советском Союзе занималось Управление уполномоченного Совета народных комиссаров СССР по охране военных и государственных тайн в печати. Усиление цензуры произошло незадолго до войны, что может служить косвенным доказательством того, что руководство страны предполагало её скорое начало. Процесс усиления цензуры и её воздействие на современников в годы Великой Отечественной войны, особенно на региональном уровне, остаётся недостаточно изученным. Следует отметить, что исследование этой проблемы нередко осложняется высокой степенью её политизации и эмоциональностью оценок.

© Петровичева Е.М., Тряхов И.С., 2015

* Научная публикация подготовлена в рамках государственного задания ВлГУ № 2014/13 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

Историографию проблем цензуры в годы Великой Отечественной войны можно разделить на два периода: советский и постсоветский. Однако сразу же стоит оговориться, что работ, касающихся собственно цензуры в годы Великой Отечественной войны, в советской историографии нет. Тем не менее, существует ряд заслуживающих внимание монографий, рассматривающих роль партии в формировании пропаганды и идеологии в нашей стране, где затрагиваются и эти вопросы. Среди них – монографии Н.М. Кононыхина [12], сборник «Средства массовой информации и пропаганда» [21], труды Г.Д. Комкова по идеологической работе КПСС [10; 11]. Представляет интерес монография М.И. Скуленко, рассматривающая влияние пропаганды на журналистику [20].

Во время перестройки и в 1990-е гг. стали появляться работы, касающиеся цензуры [23]. Л.М. Савушкин в своей монографии поставил цель изучить идеологию советского тыла [19]. После распада СССР и законодательной отмены цензуры, а также рассекречивания значительного массива архивных документов, исследователи получили возможность изучать вопросы, связанные с историей цензуры в нашей стране в рассматриваемый нами период. Положительное влияние на изучение данного вопроса оказала не только растущая доступность источников, но и применение новых методологических подходов. Вопросы цензуры в нашей стране стали рассматриваться на конференциях [24; 25; 26; 27] и в специальных исследованиях [4]. Следует выделить ряд кандидатских диссертаций, касающихся периодической печати и средств массовой информации в различных регионах СССР в годы Великой Отечественной войны [15; 16; 17]. Большим шагом вперёд в изучении проблемы стали основанные на широкой источниковой базе работы А.В. Блюма, Г.В. Жиркова и Г.В. Костырченко [14], Т.М. Горяевой [8], в которых содержится критическое осмысление истории советской цензуры, в том числе и в военное время. На наш взгляд, эти исследователи, преувеличивая отрицательные стороны советской цензуры, недооценивали и некоторые положительные её стороны, которые проявились как раз в годы Великой Отечественной войны. В монографии Т.М. Горяевой [6], несмотря на общее негативное отношение к цензуре, усматриваются и ее положительные стороны, причём не только технического характера – наличие цензоров также способствовало уменьшению грамматических ошибок в СМИ, но и предотвращало появление грубых и пошлых материалов. А.И. Константинов и Д.В. Иванов в своей статье пишут о цензуре в годы другой войны – русско-японской [13] и приходят к выводу, что в условиях войны цензура является одним из условий победы. В современной историографии усиливается регионализация исследований цензуры [28].

Цель данной статьи – изучение роли органов цензуры в периодической печати Владимирского края в годы Великой Отечественной войны. Задачами являются определение причин усиления цензуры в годы войны и выявление трудностей, с которыми столкнулись обллиты Владимирской и Ивановской области в то время.

Для решения поставленных в статье задач был использован достаточно широкий круг источников нормативно-правового и делопроизводственного характера, а также статистические материалы. Важнейшее значение имеет фонд 9425 (Главное управление по охране государственных тайн при Совете Министров СССР (Главлит)) Государственного архива Российской Федерации, который хранит отчёты обллитов и переписку их с центральным аппаратом Главлита, общие отчёты Главлита о работе цензуры, а также сводки цензуры, поступавшие в центральный аппарат Главлита. Кроме того, в фонде собраны приказы уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и другие важные документы. Часть документов данного фонда была опубликована в соответствующих сборниках, часть впервые вводится в научный оборот.

Анализ источников различного происхождения позволяет убедиться в том, что неправильно было бы считать, что цензура – абсолютное зло, характерное лишь для тоталитарных режимов и несвойственное режимам демократическим. В годы войны цензура играла скорее положительную роль, способствовала консолидации населения и идеологической победе советского народа. Тем не менее, следует избегать и другой крайности, утверждающей исключительно положительную роль цензуры и, главное, безошибочность действий цензоров.

Было бы ошибкой думать, что такие страны западной демократии, как например, США или Великобритания, не имели органов, занимавшихся цензурой средств массовой информации, особенно в период войны. Начальник Главлита Н. Садчиков прямо писал о таких структурах в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) за двадцать дней до войны: «Во всех воюющих странах осуществляется в настоящее время самая строгая почтово-телеграфная цензура. Достаточно сказать, что англичане в 1940 году отправили на Бермудские острова 700 цензоров, контролирующую всю поступающую в Англию из других стран корреспонденцию. В лондонском почтамте работает 1500 цензоров. В Германии письма не могут быть отправлены без указания адреса отправителя. Он должен лично явиться на почту и предъявить паспорт. Отправитель не имеет права наклеивать на письмо марку, это делается почтовым чиновником.

Все эти мероприятия в Англии и Германии введены в целях борьбы с разведкой противника и исключения передачи всякого ро-

да сведений, которые правительство считает нежелательными» [9, с. 85–86]. Иными словами, цензура в военное время была нормой и, если пример с гитлеровской Германией не слишком убедителен в связи с господствовавшим там нацистским режимом, то пример «демократической» Англии доказывает не только сходство мер обеспечения государственной безопасности во время войны в странах с различными политическими режимами, но и подтверждает, что это был единственно правильный путь.

В годы Великой Отечественной войны перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну, занимал не одну страницу. Логичным был запрет на публикацию выдержек и цитат из материалов и изданий, имеющих ограничительные грифы – «Совершенно секретно», «Секретно», «Для служебного пользования» – и ссылки на них (хотя, как известно, далеко не все документы, подвергавшиеся засекречиванию в те годы, заслуживали этого). Секретными являлись сведения о правилах ведения секретной переписки, хранении секретных материалов, документов, о потере и хищении секретных бумаг, всех сведений о шифрах, шифровальной и дешифровальной работе. Также запрещалось где-либо публиковать номера телефонов воинских частей, соединений, штабов, учреждений и пр. Исключением были лишь военно-учебные заведения, комендатуры и коммутаторы штабов военных округов.

Как для центральных, так и для местных газет основным поставщиком информации выступал в годы войны ТАСС. Телеграфное агентство Советского Союза поставляло информацию и пропагандистские статьи, а также снабжало печать фотоиллюстративным материалом. Кроме того, оно издавало ежедневные закрытые служебные выпуски секретного характера и бюллетень, не предназначенные для печати. Помимо этого, издавались так называемые «окна ТАСС» [22, с. 134]. Всё это, с одной стороны, давало простор для деятельности корреспондентов местных газет только в рамках их района, города или максимум административно-территориальной единицы, с другой стороны, позволяло максимально контролировать ту информацию, которая затем печаталась в газетах на самом низовом уровне.

Роль, которую играл ТАСС для районных газет, особенно ярко характеризует отчёт о работе ТАСС за первое полугодие войны: «Районным газетам ТАСС рассылает готовые клише. Вскоре после начала войны металлические клише (из гартового сплава) были заменены клише из пластических масс, что позволило улучшить качество клише, упростить их экспедирование и сэкономить сотни тонн металла. К сожалению, в связи с эвакуацией производственной базы Фотохроники из Москвы в Куйбышев снабжение районных газет клише было на 2 месяца прекращено. Теперь оно снова идёт беспре-

ребойно» [22, с. 140]. Чисто технически эта рассылка, безусловно, облегчала работу местных редакций, поскольку состав редакций с началом войны резко сократился, а общий уровень работников снизился. С другой стороны, рассылка готовых клише ещё раз подтверждает едва ли не всесторонний и всеобъемлющий контроль над прессой.

В том же полугодовом отчёте ТАСС отмечал следующие недостатки, характерные для местных материалов. «1. Легковесный, подчас "шапкозакидательский", тон многих корреспонденций, неверно ориентировавший советского читателя относительно трудностей войны, силы, опытности и коварства противника, с которым нашим войскам приходится сражаться. В своё время руководство ТАСС дало корреспондентам ряд категорических на этот счёт указаний и решительно потребовало покончить с "шапкозакидательским" тоном информации. 2. Многие корреспонденты сбивались (и в значительной мере сбиваются до сих пор) на дешёвый очеркизм, забывая, что ТАСС призван обслуживать печать в основном оперативной информацией...» [22, с. 136]. Для начального периода войны «бахвальство» и «шапкозакидательство» были большой проблемой, которая не без труда устранялась длительное время.

Управление пропаганды тщательно следило за материалами, поступающими в центральную и местную печать. Цензорский контроль над печатью был многоуровневым как до выхода в свет какого-либо издания, так и после его выхода в печать. По республиканским, краевым и областным газетам ежедневно проводился контрольный просмотр всех поступающих номеров газет и выборочное чтение наиболее важных материалов, изучалась работа газет по отдельным вопросам и составлялись обзоры газет [22, с. 512–513].

Известно, что на 1 января 1945 г. в системе Главлита работало 4.024 цензора (без центрального аппарата Москвы). Из этого числа лишь 892 цензора являлись штатными работниками, остальные 3.132 были совместителями [22, с. 254].

Состав работников существенно изменился в годы войны за счёт новых людей, принятых на работу. Так, из 4 024 работников цензуры до войны в этой системе работали лишь 456 чел., т. е. чуть больше 11 %. Как отмечалось в отчете о работе цензуры за 1944 г., подавляющее большинство цензоров не имело опыта такой работы. Кроме того, в целом по стране лишь 77,6 % цензоров имели среднее и высшее образование [22, с. 256]. Об этой же проблеме писал А.С. Щербакову Г.Ф. Александров, который отмечал, что цензорские кадры в стране просто не готовятся, а «отделы пропаганды не организуют самостоятельной работы редакционных кадров над изучением марксизма-ленинизма, не оказывают им помощи

квалифицированными лекциями, докладами, проверкой их самостоятельной работы» [22, с. 517]. Цензорами обязывали работать учителей, о чём вспоминает, например, жительница Владимира В.А. Гаврилова, мать которой оказалась в числе таких работников народного образования [18, с. 140].

Аналогичная ситуация сложилась во Владимирском крае, входившем вплоть до августа 1944 г. в Ивановскую область. В 1942 г. в Ивановской области насчитывалось 45 цензоров, из них штатных было лишь 11, совместителей – 23, а общественников, которые трудились безвозмездно, было столько же, сколько и штатных. При этом в отчёте Ивановского обллита отмечалось отсутствие текучести кадров и достаточно опытный состав цензоров. Так, 4 чел. работали в цензуре свыше 5 лет, стаж от 3-х до 5-ти лет имели 8 чел., от года до трёх – 29, и лишь четверо работали меньше года [5. Оп. 1. Д. 162. Л. 20]. К концу года добавился ещё один штатный цензор. Образовательный уровень цензоров для того времени был относительно неплохим: 9 чел. имели высшее образование, 34 – среднее, и трое имели лишь начальное образование (или как говорится в отчёте – низшее) [5. Оп. 1. Д. 162. Л. 35].

До августа 1944 г. ситуация с кадрами цензоров в Ивановской области была в целом нормальной. Текучести практически не было, цензорский аппарат насчитывал то же число цензоров, что и в 1942 г. Соответственно и стаж работы сотрудников несколько увеличился [5. Оп. 1. Д. 255. Л. 4, 27].

С октября 1944 г. начал свою работу обллит Владимирской области. Поначалу он испытывал большие материальные затруднения. Начальник обллита В. Виноградов жаловался на маленькое и плохо отапливаемое помещение и на отсутствие печатных машинок, вследствие чего все документы приходилось размножать от руки [5. Оп. 1. Д. 351. Л. 18]. В отличие от Ивановского обллита Владимирский испытывал большие трудности с количеством и качеством имевшихся в его распоряжении цензоров. На 18 цензоров приходился большой объём работы: так, им нужно было цензурировать 45 газет, выходивших в области и 23 радиоузла. Кроме того, в области существовало 37 типографий, выпускающих различную продукцию, которую также необходимо было проверять. Существовали и иные мероприятия, на которых были заняты работники обллита [5. Оп. 1. Д. 251. Л. 8]. Для сравнения загруженности нового обллита с Ивановским достаточно сказать, что в 1944 г. в Ивановской области издавалось 33 районных и 47 многотиражных газет, т. е. всего 80 наименований, которые обслуживались, как уже было сказано 46 цензорами [5. Оп. 1. Д. 255. Л. 42]. К тому же, сотрудники Владимирского обллита были менее опытными: два человека имели опыт работы свыше 3-х лет, остальные не имели даже годового стажа

работы, что объяснялось во многом большой текучестью кадров. Как правило, причиной этого был призыв в армию [5. Оп. 1. Д. 251. Л. 8].

Трудности, наблюдавшиеся в аппарате Владимирского обллита в 1944 г., сохранились и в следующем, победном 1945 г. Всего по области тогда насчитывалось 29 цензоров – несколько больше, чем в сорок четвёртом. Стаж их работы был невелик, но по сравнению с предыдущим годом увеличился. Во многом это было обусловлено сменой части сотрудников [5. Оп. 1. Д. 351. Л. 63]. Одновременно вырос объём работы: количество газет увеличилось до 55, радиоточек – до 26, а ведь ещё печатались брошюры в количестве 15–20 печатных листов в месяц и мелкопечатная продукция в объёме 210–220 печатных листов. Цензоры осуществляли также контроль за лекциями и выставками [5. Оп. 1. Д. 351. Л. 14]. Неудивительно, что были случаи (пусть и единичные) выходов газет и передач по радио вне контроля. В 1945 г. во Владимирском крае было два таких случая, и карали за это сурово: один директор предприятия был отдан под суд по 185 ст. Уголовного кодекса, а другому объявили выговор [5. Оп. 1. Д. 351. Л. 15]¹.

Несмотря на, казалось бы, важность для власти цензорского аппарата, заработная плата в нем была низкой, поэтому в ряде районов области штатных работников не было вовсе [5. Оп. 1. Д. 351. Л. 12]. Цензорам нередко выделялись дополнительные карточки на питание, но они полагались, как правило, только начальникам и заместителю. Проблема кадрового дефицита решалась за счёт привлечения общественников или же путём совместительства [5. Оп. 1. Д. 161. Л. 36].

Согласно отчётам Ивановского обллита, в 1942 г. было предотвращено 1.102 случая разглашения в печати военных и государственных тайн [5. Оп. 1. Д. 162. Л. 1]. С течением войны количество различного рода так называемых цензорских «вычерков» сокращалось. По данным Ивановского обллита, в течение 1944 г. было сделано 736 вычерков. Существовало даже распределение по направлениям секретных сведений. Так, из 736 вычерков 232 касались сведений о дислокации Красной армии и Военно-морского флота, и других военных вопросов, 115 – военной промышленности, 21 – транспорта, 25 – экономических сведений, 204 носили политико-идеологический характер [5. Оп. 1. Д. 255. Л. 6]. За январь–апрель 1945 г., согласно сведениям Владимирского обллита было произведено лишь 34 вычерка [5. Оп. 1. Д. 351. Л. 15]. Это было связано во многом с ожиданием окончания войны, а следовательно, с

¹ Уголовная ответственность директоров предприятий за выпуск газеты только с разрешения цензора или его заместителя была введена почти с самого начала войны [5. Оп. 1. Д. 78. Л. 4].

уменьшением боязни того, что немецкая разведка сможет использовать сообщения СМИ в своих целях.

Обллиты регулярно были обязаны составлять и отправлять в Главлит сводки результатов проведенной цензуры. В этих текстовых сводках как раз и печатались важнейшие вычерки предварительной цензуры [5. Оп. 1. Д. 255. Л. 39]. Эти сводки позволяли установить контроль центра над местными цензорами, определяя с их помощью, насколько успешно работает цензор, не пропускает ли он какие-либо материалы, запрещённые к публикации в средствах массовой информации. С другой стороны, нередким было и такое явление, как чрезмерное рвение цензоров по контролю над публикацией, что приводило к вычёркиванию из сообщений и статей предложений, не представлявших никакой угрозы ни для государственной безопасности, ни для идеологии партии.

Вычёркиванию подлежали сведения о характере производства предприятий и цифрах производства [5. Оп. 1. Д. 162. Л. 3], местонахождении госпиталей [5. Оп. 1. Д. 251. Л. 4], численности населения городов и площадям посевов. Цензуре могли подвергнуться даже данные о величине грузов, перевозимых по крупнейшим рекам края во время навигации и сведения о перевыполнении планов предприятий.

Например, в сводке цензуры по данным, поступившим в центральный аппарат Главлита с 25 августа по 5 сентября 1941 г., по материалам, не пропущенным в печать предварительной цензурой, можно обнаружить, как цензор вычеркнула в газете «Пролетарий» военное звание начальника гарнизона г. Вязников – майора Перовского, посчитав это информацией, не подлежащей публикации; в патриотической заметке «Пять пионеров» в газете «Инструментальщик» цензор сняла название крейсера «Ворошилов»; а в газете «Рабочий край» цензор вычеркнул упоминание Ивановского госпиталя и цифровые данные о народном ополчении и донорах. Все вышеизложенные факты были отнесены центральным аппаратом Главлита к перегибам, хотя, по нашему мнению, публикация о народном ополчении, даже несмотря на приближающийся конец войны, была преждевременной и цензор, на наш взгляд, поступил справедливо [22, с. 598].

В газете «Инструментальщик» был допущен другой перегиб, когда цензором Кузнецовой было снято следующее предложение: «В грозные дни Отечественной войны от каждого советского гражданина, работающего для нужд Красной армии, как никогда требуется соблюдение железной воинской дисциплины» [22, с. 602]. Отнесение этого безобидного и даже скорее мобилизующего предложения к числу запрещённых к публикации, можно объяснить либо чрезмерной внимательностью цензора, либо же его недостаточной политической грамотностью.

Осенью 1944 г. начальника Главлита Н. Садчикова Агитпроп ЦК ВКП(б) обязал установить строгую ответственность цензоров за контролируемый материал. На запрещаемые материалы цензор должен был давать обстоятельное заключение. Заключение цензора с подтверждением начальника отдела предварительного контроля предоставлялось начальнику Главлита на утверждение. Отныне следовало указывать точные мотивы запрещения изданий к печати [9, с. 89]. Такие требования имели под собой вполне реалистичную основу. Так, в записке Управления пропаганды ЦК ВКП(б) секретарю ЦК Г.М. Маленкову указывалось следующее абсурдное явление, когда из-за одного перебежчика по имени Иванов Алексей Иванович работы всех авторов с фамилией Иванов начали изыматься. За такие изъятия начальник Главлита Н. Садчиков даже был предупрежден о партийной ответственности, а его подчиненным было указано на несерьезное отношение к изъятию литературы [9, с. 89–90].

Для исправления недостатков начальникам главкрайобллитов приказывалось разработать планы мероприятий и прислать их в Главлит. Для этого в приказе № 270 Садчиков требовал «в основу работы по кадрам положить: изучение цензоров и районных уполномоченных по их делам, для чего систематически бывать на местах, оказывать конкретную помощь слабым и неопытным работникам», создать постоянный резерв, способный в любое время заменить того или иного райуполномоченного и цензора, а также вести своевременный инструктаж и систематические семинары с работниками, вновь назначенными в органы цензуры [9, с. 333].

Было бы наивно и неправильно полагать, что органы цензуры занимались лишь вычеркиванием, по их мнению, не подлежащих публикации строк. Газеты не только подвергались критике, но и нередко заслуживали похвалы. Так, в 1942 г. похвалу заслужили Владимирский «Призыв», вязниковский «Пролетарий» и многотиражная ковровская газета «Абельмановка», которая отличалась «литературным, грамотным языком без опечаток и ошибок» [5. Оп. 1. Д. 162. Л. 31–32], хотя в большинстве своём районные и многотиражные газеты отличались большим количеством грамматических ошибок, за что и подвергались органами обллитов справедливой критике [5. Оп. 1. Д. 255. Л. 32–33; Оп. 1. Д. 351. Л. 17].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны цензура играла чрезвычайно важную роль, способствуя мобилизации и консолидации населения. Однако нередким было явление, когда цензоры проявляли неоправданную строгость и чрезмерную «бдительность», что становилось одной из причин недовольства населения относительно газетных материалов, часто не сообщавших сведений, которые стремились получить люди, что приводило, в свою очередь, к распространению различного рода слухов.

С другой стороны, в условиях войны цензоры предотвращали утечку секретной информации, имеющей стратегическое или военное значение. Это было оправданно и необходимо, поскольку страна жила в экстремальных условиях и вынуждена была всесторонне охранять свою безопасность. Разумеется, нередко наблюдались «перегибы», но в таком деле без них, пожалуй, было очень трудно обойтись. В то же время следует отметить, что на сотрудников облитита выпадала порой слишком большая нагрузка, из-за чего их работа не всегда была эффективной и вызывала нарекания со стороны центрального аппарата. Эта нагрузка объяснялась вполне естественной для военных лет причиной – дефицитом кадров.

У цензуры существуют как объективные, так и субъективные истоки. Объективным является то, что пока существует государство, заинтересованное в сохранении определённых тайн, т. е. сокрытии от широкой общественности части информации, до тех пор будет существовать в том или другом виде цензура. Вопрос стоит не столько в самом феномене цензуры, сколько в её размерах и формах применения в жизни общества и государства. Очевидно, что в годы Великой Отечественной войны цензура стала важным инструментом консолидации всех сил советского общества на борьбу с общим врагом, напавшим на нашу Родину.

Список литературы

1. Белков А.К., Веревкин Б.П., Кононыхин Н.М. История партийной и советской печати. – М., 1975.
2. Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. – СПб., 2000.
3. Бормотова А.Р. Цензура печатных органов Курской области в начале Великой Отечественной войны // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – № 107.
4. Валитов О.К. Печать и цензура. – Уфа, 1995.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9425.
6. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. – 2-е изд., испр. – М., 2009.
7. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв.: учеб. пособие. – М., 2001.
8. Исключить всякие упоминания: Очерки истории советской цензуры / сост. Т.М. Горяева. – М., 1995.
9. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М., 1997.
10. Комков Г.Д. Идеино-политическая работа КПСС в 1941–45 гг. – М., 1965.
11. Комков Г.Д. Истоки победы советского народа в Великой Отечественной войне. – М., 1961.
12. Кононыхин Н.М. Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. – М., 1960.
13. Константинов А.И., Иванов Д.В. Цензура как условие победы // Воен.-ист. журн. – 2000. – № 4. – С. 20–28.

14. Костырченко Г.В. Советская цензура в 1941–1952 годах // Вопр. истории. – 1996. – № 11–12.
15. Ломовцев А.И. Средства массовой информации и их воздействие на массовое сознание в годы Великой Отечественной войны (на материалах Пензенской области): дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2002.
16. Лымарев А.Н. Периодическая печать Южного Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2002.
17. Малышев А.В. Средства массовой информации Юга России в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д., 2001.
18. Мы вышли из войны: г. Владимир и владимирцы в годы Великой Отечественной войны по дневникам, воспоминаниям, документам. – Владимир, 2004.
19. Савушкин Л.М. Идеология советского тыла: проблемы и противоречия. 1941–1945. – Воронеж, 1990.
20. Скуленко М.И. Журналистика и пропаганда. – Киев, 1987.
21. Средства массовой информации и пропаганда. – М., 1984.
22. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост.: А.Я. Лившин, А.Б. Орлов. – М., 2007.
23. Федотов М.А. Гласность и цензура. Возможность существования // Сов. гос-во и право. – 1989. – № 7. – С. 80–89.
24. Цензура в России: История и современность / Тез. конф. 20–22 сент. 1995 г., Санкт-Петербург. – СПб., 1995.
25. Цензура в России: История и современность / Тез. конф. 13–15 нояб. 1995 г., Екатеринбург. – Екатеринбург, 1995.
26. Цензура в царской России и Советском Союзе: материалы конф. 24–27 мая 1993 г., Москва. – М., 1995.
27. Цензура и доступ к информации: история и современность / Тез. докл. междунар. науч. конф. С.-Петерб. 16–18 марта 2005 г. / отв. ред. Конашев М.Б. – СПб., 2005.
28. Ярмолич Ф.К. Цензура на Северо-западе СССР. 1922–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010.